

A movie poster featuring a man in ornate, dark armor with gold accents and a woman in a vibrant red, off-the-shoulder gown. They are embracing against a cloudy sky. The woman's red dress flows down, framing the title text at the bottom.

ЗЕНА ТИРС

СУЖЕНАЯ
МАГА ОГНЯ

Зена Тирс

Суженая мага огня

<https://litres.ru/74211147>

Аннотация

Меня нашли в лесу на болотах, изувеченную колдуном. Я потеряла память. Чужая для всех, живу в святилище и помогаю сироткам. Но мысли о забытом прошлом не дают покоя, сердце терзается по тому, кого когда-то любила. Интересно, помнит ли он меня? Почему не ищет? Однажды в город прибыл паладин, воин Света, чтобы спасти нас от нашествия нечисти. Сердце сладко вздрогнуло — может, мы были знакомы?

Содержание

1	4
2	8
3	13
4	17
5	20
6	24
7	29
8	31
9	33
10	36
11	40
12	45
13	47
14	50
15	55
16	61
17	67
18	74
19	80
20	85
21	90
Конец ознакомительного фрагмента.	95

1

Люди созданы, чтобы обрести истинную пару. И только глупый этого не чувствует. Моя душа изнывает от гудящей пустоты, которую ничем невозможно заполнить, заглушить. Я сгораю вдали от того, кто мне предназначен.

Где же ты, тот, кого я так жду?

Был ли ты когда-нибудь?..

От мыслей о забытом прошлом глаза увлажнились, я промокнула их грубым льном рукава и продолжила обдирать листики с высушенных стеблей целебной моросянки. Не время лить слёзы. Не время. Для этого есть ночь, когда никто не видит.

Когда не спится от тоски, сжимающей сердце...

А сейчас надо сделать работу и отнести на рынок траву, а то не на что купить молока нашим сироткам-подкидышам. Вообще, время нынче тяжёлое. В лесах завелись болотожёры, на дорогах бродят магические волки, а в холмах, говорят, видели дракона. Он-то и пожрал всех коз, ещё до того, как выпал снег. И наших тоже...

— Триса, господин Фалькон идёт! — кликнула со двора Идда, старая травница, которая приютила меня в своём доме, в стенах святилища Пресветлой Девы.

Триса...

Я привыкла к этому имени и сроднилась с ним, оно мне

даже нравилось, хотя это не моё имя. Так назвала меня Идда, когда нашла в лесу. Но кто я и откуда — никто не знает.

Вернее, откуда — догадываются, предполагают... Из лап тёмного колдуна, который высосал мою жизненную силу до дна, изуродовал тело, оставил на спине, под шеей, метку от костяного серпа, которым сцеживал кровь. Лишил лица... Да, искусанное болотными тварями и опухшее от воспаления крови, оно представляло страшную картину. Монахи-ням, хвала Пресветлой, удалось вернуть мне человеческий облик. Но вряд ли это был мой прежний облик. Что ещё со мной делал колдун — страшно подумать. Никто не знает. А я... я боюсь вспоминать.

— Снова сказать, что ты на рынок пошла, а, Трис? Да ведь дожидаться будет...

Я спешно отёрла с лица остатки слёз и приняла бесстрастный вид.

— Не надо, — вздохнула я. — Давно бегаю, ты права, пора поговорить.

Я отложила моросянку, накинула скатавшийся катышками шерстяной плащ и шагнула на крыльцо, навстречу холодному зимнему ветру.

Эх, был ли ты когда-нибудь, тот, по кому я так тоскую? Пришёл бы, защитил бы меня сейчас? Нет? Не придёшь? Знаешь, а жаль!

Очень жаль! Значит, нет тебя уже на земле, а то бы ты обязательно пришёл...

Я думаю, ты мёртв, иначе как ты мог не спасти меня от колдуна и обречь на расправу.

А если жив? А если жив и забыл меня?...

Вместо слёз явилась злость. Я вышла во двор и встрети-лась взглядом с подошедшим Фальконом — начальником стражи Вейгарда.

— Наконец-то, Трис, милочка, — растянул он в кривой усмешке рот. — Что-то ты с-совсем меня позабыла. Я же приглашал тебя заглянуть ко мне.

Пухлые губы, жирные после сытного обеда, строго вытянулись. Маленькие глаза пожирали меня, и без того тощую — за три года ещё до конца не оправившуюся от почти смер-тельного истощения.

— Извините, много работы, — сказала я безразлично. — Мне надо траву готовить. Не приходите больше, господин Фалькон, я не пойду с вами.

Я плотно сжала губы и развернулась, чтобы скрыться в доме, но Фалькон схватил за локоть и дёрнул на себя.

Ай, как же больно! Но я не подам вида, я умею быть силь-ной. Может, отстанет.

Волосы выбились из-под платка послушницы, рассыпа-лись по плечам. Мои огненно-рыжие волосы — такая ред-кость на севере Ниртании — почти ни у кого не встречаются.

Взгляд Фалькона хищно разгорелся. Вожделение, жела-ние обладать — он так привык обладать каждой, кого пома-нит пальцем.

— Ну, что ты ломаешься, Трис-с, — прошипел он. — Ты ведь не девочка, тебя принесли сюда с болот, жрицы все твои дырки изучили — у тебя их больше, чем следует, и тебе не стать служительницей Пресветлой!

Он знал, зараза, куда давить. Девушке, потерявшей невинность, особенно с таким сомнительным прошлым, как у меня, монахиней стать было невозможно.

— Ты должна в рот глядеть защитникам, оберегающим тебя от чудовищ, живущих за этими стенами, — приблизил лицо Фалькон и жадно вдохнул мой запах.

Чем я таким пахла, что он так меня хотел? Моросянкой?

— Вкус-сная... Ты же сдохнешь с голоду, если не пойдёшь со мной. Есть вам нечего... хоть молока детям принесё-шь-шь...

Да, святилищу Пресветлой на севере, где многие ещё поклонялись древним, приходилось тяжело. В святилище жили одни монахини и сироты, местные мужчины не молились Деве, не приходили и не приносили пожертвований. Мы жили на королевские взносы, проходившие через наместника. Он брал с них свой налог, и в итоге нам оставалось разве что... как бы сказать помягче... на оплату пользования городским колодцем и сливной канавой.

— Ну, идём? — прошептал Фалькон непозволительно близко к моей коже.

Его скрипучий голос резал уши. Запах копчёного окорока, который он только что съел, сводил с ума...

Предательская дрожь выдала мой страх.

— Пустите, пожалуйста, господин, — одёрнула я руку.

— Отпусти девочку, Фалькон! — заступилась настоятельница Альба, заведя меня себе за спину.

Горячая волна облегчения прокатилась по телу. Я одарила благодарным взглядом седовласую монахиню, прижалась к её худому телу и принялась спешно поправлять сползшую повязку.

Фалькон послушно отступил от крыльца на два шага. Не больше.

— И не смей больше домогаться к послушницам на земле

святилища! — потребовала Альба. — Есть места, где тебе охотно дадут всё, что ты просишь!

— А мне нравится, когда дают неохотно, так интереснее! — прыснул Фалькон. — В общем, Трис, когда захочешь кушать, приходи, накормлю.

Да подавись ты! Ой, прости Пресветлая, не хорошо на светлой земле ругаться...

За стенами святилища раздались восторженные визги и звонкие детские голоса. Донёсся приближающийся стук копыт и показалась снежная пыль над стеной.

Фалькон посерьёзnel и вытянулся по-военному, устремив взор к воротам. Светлая Альба тревожно двинулась на середину двора, а мы с Иддой скрылись в доме и пристали к дверной щели.

Ворота медленно развели в стороны два воина, одетых в стальные шлемы и доспехи с королевскими эмблемами львов, выведенных на груди чёрной краской. Следом, ведя коня под уздцы, во двор святилища вошёл воин с красным, отделанным мехом, плащом. Шлем его сиял в солнечных лучах. На нагруднике доспеха тоже был лев, только золотой, который тоже искрился на зимнем солнце.

— Паладин... — с придыханием прошептала старая травница.

Я прилипла к двери и больше не могла отвести взгляд. Щель вдруг стала узкой для взора, а платье — тесным для дыхания.

Его выправка, ровный шаг, лёгкие взмахи рук — всё веяло спокойствием и чистотой. Он снял шлем и склонился на колено перед настоятельницей, поцеловав ей руку. У меня пробежали по коже мурашки от сокровенной нежности, с которой он это сделал.

— Паладины — защитники веры, воины Света, — восхищённо прошептала Идда. — Может, прогонят нечисть от города.

То, чего так не хватает этой земле... И мне... Воин Света, наверняка, спас бы меня от чудовища, испившего мою жизнь.

Паладин выпрямился. Ах, какой темноволосый, с небрежной многодневной щетиной. Устал, должно быть, в пути...

На кончиках пальцев ощутила покалывание, будто прикоснулась к его щеке.

Странное чувство. Приятное.

Он осмотрелся по сторонам и его взгляд скользнул по двери, которую мы с Иддой облепили. Глаза серые и холодные, как сталь меча. Интересно, сердце у него такое же закованное в сталь? В строгих чертах лица угадывалось что-то мимолётно знакомое, и в то же время совершенно чужое, далёкое.

Опасное.

Паладин развернулся к Фалькону. Начальник гвардии так смешно старался втянуть живот и приподнимался на мысках, но это ему совершенно не помогало сократить разницу

в росте с воином Света.

Они о чём-то говорили. Лицо паладина сохраняло бесстрастное выражение, в то время как Фалькон мялся и морщил лоб, указывал руками то в сторону леса, то в сторону холмов.

— О драконе, наверное, говорят... — вырвалось у меня.

— А то ж, конечно, — прошептала Идда. — Он за тем и приехал — убить чудовище, чтобы помочь жителям. Стражники-то боятся.

Я вся обратилась в слух. Чудилось, что голос у паладина низкий и бархатный, мне страшно захотелось его услышать.

Фалькон, наконец, поклонился и стремительно зашагал в сторону ворот. Соратники паладина расступились и пропустили его. А сам господин светлый воин направился к алтарю Пресветлой девы в сопровождении Альбы, чтобы вознести молитвы. Все его воинственные спутники повернули следом.

— Ну, что, вон они разошлись, — прокричала Идда. — Беги теперь на рынок, Триса, пока не стемнело.

Я ссыпала морозянку в кулёк, подхватила корзинку с баночками лечебного масла и поспешила во двор. Нужно раздобыть денег на молоко детям.

Морозный ветер тут же пробрался под тонкий шерстяной плащ. Плечи свело судорогой от холода. Я поправила на голове капюшон, подбитый самым дешёвым, волчьим, мехом, но предательские хлопья снега успели залететь в щели одежды. Более тёплых вещей у нас, приживалок святилища, не

было, и мне приходилось каждый раз лишь безмолвно скучать, выходя на улицу.

Подойдя к воротам, не удержалась и поглядела на рыцарей, стоявших толпой у алтаря. Паладина среди них уже не было.

Где же он?

Я огляделась. Красный плащ мелькнул по другую сторону поклонной площади возле маленькой мраморной статуи принцессы Беатрис.

Паладин положил к её ногам зелёную ветвь ели, символ вечной жизни, и склонился на колени под усилившимся снегопадом.

— Великая была женщина. Всем помогала, — вздохнула из-за плеча Идда. Я обернулась. — Я тебе шарфик свой хотела дать, холодно! На рынке-то долго стоять!

Травница закутала меня, заморозив меня, глядевшую на паладина.

— Он что, плачет? — прошептала я онемевшими от холода губами.

— Ему позволительно. Она была его женой. Не подсматривай. Такой любви на земле никогда больше не будет.

Я опустила взгляд. Отвернулась.

— Спасибо за шарф, Идда, — прошептала я и побрела по снегу в тонких кожаных башмаках.

После обеда на рынке уже не так многолюдно. Площадь перед ратушей, где стояли торговые ряды, заметно пустела, была уже не такой тесной и шумной. Однако, покупателей тут ещё толкалось предостаточно.

— Кому целебную мазь? Травы для припарок? — крикнула я, расстеливая льняное полотно на прихваченной с собой скамеечке.

Свет надо мной закрыл бородатый мужик в кожаных доспехах. Наёмник, один из тех, кого нанимал Фалькон для истребления болотожёров и расплодившихся волков. Но по виду, бородач скорее походил на бандита: выбитые зубы, синяк под глазом, дивный хмельной аромат.

— Хе, а чего-нибудь чтобы стручок крепче стоял нет? — прищурился он.

Вот потому на рынок отправляют нас, приживалок святылища, а сами светлые жрицы торговать не ходят. Чтобы не слышать вот это вот...

— Сегодня готовой толнянки нет, извините, господин. Завтра будет, приходите.

Я старалась держаться спокойной и бесстрастной, но было непросто снести наглый развращённый взгляд наёмника.

— Ох, наконец, ты тут! — воскликнула пожилая госпожа, отеснив бородатого обратно в толпу. — Дай мне мою моро-

сянку. Сколько с меня?

— Один медяк, госпожа.

— А это что? Лечебная мазь? Тоже возьму — у мужа спину прихватило. Нет, даже две давай!

— Пожалуйста, госпожа, — поклонилась я, протягивая баночки и кулёк с сушёной травой.

Я знала, она выводит ей волосы у супруга в паху. Ей нравится, когда мужчина гладкий. Что ж, у каждого свои недостатки...

В руку легли три медные монеты, и я спешно сунула их в карман передника. Ну вот, теперь на молоко малышам хватает.

Неделю назад подкинули к воротам святилища грудничков, и Грета, женщина, что обычно торговала нашими с Идой травами, занялась малышами: у неё было больше опыта, своих трое.

Я разложила на полотне оставшиеся баночки и поставила с краю блюдце для подаваний.

Мы всегда ставили блюдце: авось добрые люди положат монету Пресветлой деве. Желаящие иногда были, но редко. Светлая Альба говорит, что на юге люди больше почитают Деву и приносят в святилища такие дары, что жрицы ни в чём не нуждаются, сидят, да шьют шёлковые платья и украшают изваяния Девы драгоценными камнями.

На севере власть королевства распростёрлась не так давно — лишь в начале правления нашего государя Орвина. Альба

рассказывала, что встречалась с ним однажды, и он ей очень понравился. Благочестивый и добрый король, он делал всё чтобы оградить страну от тёмных сил, от колдунов, которые похищали людей и насылали бедствия.

Наконец до Вейгарда добрались королевские защитники — паладины. Может, всё же когда-нибудь и у нас, на окраине, будет счастье?

Из мыслей меня вырвала проплывшая перед лицом рука. Сильная мужская ладонь потянулась к пустому блюдцу и положила на него золотую монету. Я с удивлением подняла глаза, и увидела взмах красного плаща паладина, который тут же скрыла от меня толпа его соратников.

Паладин!

Я схватила монету, пока никто не стащил. Она ещё хранила тепло его руки. Пальцы вновь закололо. По венам потекло благостное тепло, живот скрутило в тугой сладкий узел, и грудь сдавило.

Что со мной? Почему сердце так обливается кровью?

Вслед за паладином прошагал Фалькон со своими стражами, а за ними — знатные горожане и наместник Хакон. Все шли в ратушу. Хакон, должно быть, представит паладина! И светлый воин, наверняка, сделает обращение к горожанам...

Ах, как же хочется услышать его голос!

Я сжала ставшую липкой монету. Теперь хватит не только на молоко, а даже на мясо!

Всё, решено, иду в ратушу!

Сунув оставшиеся банки с маслом в передник и задвинув скамейку под прилавок пекаря, я побежала в толпу догонять красный плащ.

Народу, конечно, набилось полно, все стояли и толкались в тяжёлых зимних одеждах. Я худенькая и плащик у меня тоненький, мне легко было протиснуться между круглыми боками знатных горожан. Стражи Фалькона узнали меня и пропустили в ближний круг, откуда открывался хороший вид на центральное возвышение.

Наместник Хакон вышел вперёд, нацепил дурацкую улыбку и помахал рукой собравшимся.

— Приветствую, дорогие жители! Король Орвин услышал наши просьбы о помощи и прислал своего первого паладина — господина герцога Генриха Даренфорса! Он очистит холмы от дракона!

Горожане радостно загудели. Заликовали! Уши чуть не лопнули от восторженных визгов.

Господин герцог приблизился к людям.

— Именем Арноса и Пресветлой, приветствую благочестивый народ Ниртании! — сказал он низким властным голосом. — Мой меч рассеет тьму над Вейгардом.

Люди разразились ещё большим гулом.

По спине побежали мурашки. Генрих Даренфорс... Какой ты серьёзный, суровый... не похож ни на одного, из собравшихся здесь! И ещё ты такой уставший...

Сердце укололо при виде его нахмурившихся бровей,

свинцово-серых глаз и мужественных морщинок, тянущихся от крыльев носа к уголкам рта. Чуть заметно посыпанные пеплом виски манили меня коснуться их кончиками пальцев.

За всё время, сколько я помнила себя, живя в Вейгарде, мне ни разу не хотелось мужчину. Но сейчас живот наполнился теплом, и я вполне могла понять причину особого блеска в глазах женщин и их восторженный шёпот — паладин был невероятно привлекательным!

— Завтра я отправлюсь в холмы со своими людьми, — сказал он и развернулся к Хакону: — С вас необходимо снарядить обоз с продовольствием и поставить временный лагерь. Обеспечить тыл.

— С нас? А кто за это заплатит?

— Вы.

— Но идёте же вы!

Паладин смерил Хакона суровым взглядом и прищурился.

— За работу мне заплатит король. А за что заплатите вы? Дракон-то ваш.

— Ну, ладно, господин герцог, обеспечим, что скажете...

— процедил Хакон.

Паладин приложил руку к груди, коротко поклонился и спустился по ступеням в толпу. Собравшиеся расступились, им помогли соратники воина света. Красный плащ покинул ратушу — на душе стало грустно и одиноко.

Темно.

Услышала его голос, такой, как и предполагала, глубокий и благословенный. Хотелось почувствовать его ближе, ощутить прикосновение к коже его теплой ладони, благодатного огня...

Трис, что за мысли! Иди за молоком и давай домой!

Я развернулась и увидела перед собой ухмыляющееся лицо Фалькона.

— Занята, много работы, говорила...

Маленькие глаза победно забежали, изучая моё серое невзрачное платье и шерстяной плащ на плечах. Люди Фалькона нацепили злорадные улыбки, переглядываясь за спиной своего начальника.

Я сомкнула губы и вцепилась пальцами в подол юбки в поисках уверенности. Так страшно сделалось. Я чувствовала себя совершенно беззащитной в шумной толпе перед готовым накинуться хищником.

— Ну всё, сегодня со мной пойдёшь, я устал ждать, — рыкнул Фалькон, приблизившись вплотную.

Пропаду...

А ведь меня ждёт Грета с молоком...

— Господин Фалькон, что это вы девочку в угол загнали? — раздался сильный звучный голос. — Она вам что-то должна?

Рядом возник высокий статный рыцарь с короткой седой бородкой — один из соратников паладина.

— Нет, господин, сэр... — проговорил Фалькон, оглядывая рыцаря. — Просто хотел убедиться, что госпожа Триса спокойно доберется до дома. Далековато живёт, вдруг люди недобрые пристанут...

— А вы плохо следите за безопасностью в городе, господин начальник стражи?! Что за недобрые люди у вас на ули-

цах пристаю к незащищенным девушкам?

Фалькон побледнел и бросил на меня умоляющий взгляд, мол, помощи.

— Всё хорошо, господин рыцарь, — кивнула я. — Господин Фалькон просто проявляет ко мне доброту...

Зачем прикрыла засранца?... Сейчас рыцарь уйдёт, и я снова окажусь в паучьих лапах. Теперь уже бесповоротно.

— Хм, что ж... — сдвинул седые брови рыцарь, поглядев на меня, ещё больше задрожавшую, а потом перевёл недобро сверкнувший взгляд на Фалькона. — В Вейгарде все такие добрые. Ответственные. Честные... Мне даже самому захотелось сделать что-то доброе. Может, позвольте мне проводить вас, госпожа Триса?

— Да! — спасительно воскликнула. — Да, хорошо, — проговорила более сдержанно.

Фалькон бросил на меня недовольный взгляд, поклонился и скрылся в толпе. Я осталась один на один с высоким, облачённым в доспехи господином. Его закалённое битвами загорелое лицо с белой аккуратной бородкой приблизилось, и мне снова сделалось не по себе.

— Не бойтесь меня, — угадал он мои мысли. — Навязываться вам я не собирался, госпожа Триса. Я лишь хотел спасти вас от этого... Видел, вы только и искали глазами, как сбежать. Что ж, теперь можете идти.

— Спасибо, господин... Могу узнать, кого благодарить за... за доброту?

— Меня зовут Рэндеваль Даренфорс. Только не называйте меня господин, что вы. Среди рыцарей не принято это обращение. Сэр Рэндеваль — этого достаточно.

— О, вы родственник паладина? — удивилась я.

— Да. Дядя. Я старший брат ныне покойного паладина герцога Адеваля Даренфорса, отца нашего Генриха. Не бойтесь, что же вы снова дрожите. Сэр Генрих победит дракона, не сомневайтесь.

Задрожала я не от страха перед драконом. Даренфорс... Адеваль... Генрих... Генри... что-то делают со мной эти звуки. Накатывает боль, стискивает грудь. Трепетная сладость мешается с чувством опасности. Волной вскипает тревога.

Кончики пальцев закололо. Я сцепила руки и начала растирать ладони, чтобы избавиться от зудящего ощущения. Сэр Рэндеваль пристально поглядел на меня и перевёл взгляд на платок послушницы, скрывающий мои волосы и лицо почти до самых глаз. Я почувствовала на щеке прядь, выбившуюся из причёски. Взгляд Рэндеваля хищно блеснул, выражение лица переменилось, потемнело.

— Триса, а давно вы живёте в Вейгарде? Что-то не похоже, что вы из этих мест.

Сердце забилося в таком страшном испуге, что объятия Фалькона показались бы медовой сладостью в сравнении с тем, что можно ожидать от сэра Рэндеваля. Возникло необъяснимое чувство опасности...

Смерти!

Рыцарь надвинулся стеной и протянул руку к платку.

— Мне пора идти, сэр... — быстро выпалила я и юркнула в двигавшуюся к выходу толпу.

Рэндеваль не стал преследовать.

Надеюсь.

Бегом соскочила по ступеням ратуши, в переднике зазвенели монеты.

Молоко! Ах, ведь чуть не забыла! На рынок — уже поздно, все разошлись. Надо идти к Тании в корчму, она с утра берёт всегда свежее. Надеюсь, для меня у неё найдётся бутыл.

Пересекла площадь и оглянулась на ратушу. Увидела красный плащ паладина и собравшихся вокруг него соратников. Белая борода Рэндеваля мелькнула среди одетых в шлемы голов. На сердце отлегло: меня никто не преследовал.

Я спустилась по оживлённой улице, свернула в переулок, прошла ещё по одной улице и увидела знакомую корчму, которую держали Тания и её муж Салли, оба полненькие и весёлые. Тания часто приходила в святилище Пресветлой и брала травы у нас с Иддой, мы были знакомы с самого моего появления в Вейгарде.

Отворив дверь, я вошла в тёмное помещение, наполненное ароматами тушёной баранины, картошки, свежего хлеба, хмеля... Живот свело, и я прижалась к стене, чтобы не упасть. С утра во рту не было ни крошки. Так, потерпи, мне нужно молоко, и — домой!

Гостей было немного: вечер только начинался. Лишь несколько наёмников занимали стол в глубине зала. Не под-

нимая головы, я тихо прошагала к прилавку, за которым увидела Танию.

— Привет, — улыбнулась я.

— Привет, Триса! Ты в городе? — отозвалась она, натирая кружки льняной салфеткой.

— Да, ходила продавать травы и масло... Можно у вас молочка купить?

Я потянулась к переднику и положила на стол медную монету.

— Сейчас принесу. — Тания взяла деньги и ушла в подсобку.

Я прислонилась к прилавку и положила голову на руки. После мороза в тепле корчмы меня разморило. Совсем уже не было сил стоять. Ведь я не так давно на ногах, на самом-то деле. Всего несколько месяцев, как стала подниматься, пролежав в постели два года. Идда с Гретой выхаживали меня, словно младенца, кормили из соски. Я на всю жизнь останусь благодарна им.

— Вот вам молочко, — поставила на прилавок пузатый кувшин Тания и придвинула миску с похлёбкой. — А это тебе, поешь, Триса, ты так устала.

Мне сделалось неловко от проявленной заботы, я потупила взор и помотала головой.

— Даже не спорь! — махнула рукой Тания.

Полненькая хозяйка вышла из-за прилавка, потянула за руку к столу в уголке, отделённом перегородкой от осталь-

ного зала, и поставила передо мной миску.

— Ей, хозяйка, подай ещё пива! — позвал один из наёмников.

Тания скорым шагом вернулась к прилавку и отнесла кружки к дальнему столу.

Я подняла ложку и принялась кушать. Тихо, чтобы не привлечь внимания мужчин. Приметила среди них бородача, который приставал ко мне на рынке. Хорошо, что он не увидел меня, да и остальные не обратили внимания. На послушниц обычно засматриваются только извращенцы... Хм...

— Что же получается, Расс, если паладин убьёт дракона, то десять тысяч золотых нам не достанутся? — услышала я разговор наёмников.

— Хакон так сказал. Если бы мы убили — он бы заплатил, как обещал. А если паладин убьёт, то ему он ничего не должен. И мы тоже в пролёте. Вот так, Свенни.

— А если... Так, нет тут лишних ушей? — протянул хриплый голос.

На минуту воцарилась тишина. Наёмники должно быть осмотрелись. Я сидела за перегородкой в углу, меня не было видно. Для надёжности я склонилась ниже к столу и затаила дыхание.

— Мы наймёмся к паладину в обоз! Подождём, когда он прикончит дракона, а потом... От холмов ведь путь-то неблизкий. Прикончим его и всех его железных братьев! Сколько их? Десять... Справимся! Сожжём их тела и ска-

жем, что дракон уколошил, а дракона — мы! Отлично придумал?

— Как ты собрался прикончить их, Свенни, ты же видел их — великаны, мечи в человеческий рост, стальные доспехи!

— Думаешь, они и спят в доспехах? Ночью прикончим. Их всего десять. Как и нас. Только т-с-с, никому ни слова, а то придётся делиться!

Я опустила ложку. Кушать больше не могла. Пресвятая Дева! Что за подлость они задумали! Как же мне теперь быть? Я должна бежать, предупредить, уберечь Генри...

— Что ты корчишь морду, Расс? Ты что не с нами?

— Знаешь, Свен, я наёмник, а не убийца. Паладина мочить не согласен.

— Ты же понимаешь, нам придётся тебя убить, чтобы ты не сболтнул.

— Понимаю. Но я не сболтну. Ты меня знаешь.

Загремел стул, кто-то поднялся и прошагал к двери.

— Иди, Расс, иди! — долетело вдогонку. — Если что, я под землёй тебя найду, ты знаешь!

— Знаю, Свен. Удачи в деле.

Дверь захлопнулась. Я сглотнула, руки похолодели. Что же делать?..

— Расс хороший парень, но десять тысяч... — проговорил всё тот же хриплый голос. — Избавьтесь от него, ребят. По-тихому.

— Есть, командир, — буркнули в ответ. По голосу поняла, что ответил тот беззубый бородач.

Застучали кружки и раздалось чавканье. Наёмники принялись за еду. Как они могли так спокойно есть?!

У меня затряслись плечи и коленки от страха. Я вытерла ставшие влажными ладони о юбку, прижала к животу кувшин с молоком и спустилась под стол. На четвереньках выбралась из-за перегородки и поползла к двери. Тихо-тихо. Чтобы не скрипнула ни одна половица. Надавив плечом на дверь и приоткрыв её, выползла наружу.

Подняв голову, увидела на скамейке у входа молодого наёмника в меховой накидке, под которой виднелся кожаный доспех, на поясе висел меч. Расс, кажется... Мы оба поглядели друг на друга широко раскрытыми глазами, с осознанием, что оба посвящены в страшную тайну.

— Тебя хотят убить, беги! — проговорила я хриплым голосом, вставая с колен.

— Ты... Ты всё слышала? — удивлённо сощурился он.

Не ответив, я развернулась и побежала в переулок. Расс кинулся за мной. Сердце ушло в пятки от ужаса.

Я боялась расплескать молоко для детей, осторожно виляя между прохожими. Наёмнику не составило труда меня догнать. Он схватил меня за плечо и развернул к себе.

— Пусти! — взвизгнула я.

— Успокойся, поговорим, красавица! — Расс подтолкнул меня к забору. — Что ты слышала?

Хрипотца наёмника хмельным перегаром опалила щёку.

— Ничего, пусти... — отвернулась я, жалобно глядя на уходящую вдаль улицу.

Мысли в голове мешались, и сердце гудело набатом в груди. Зачем?! Зачем я вообще заговорила с ним?!

Ну, как зачем... Его бы убили, если бы я промолчала!

Тёмные глаза Рассы изучающе скользили по моему лицу, шее, груди, пока не наткнулись на кувшин в руках. Взгляд застыл.

— Ты уверена, что всё верно поняла, послушница? — прошептал он, приблизив лицо.

— Уверена.

Мои глаза широко распахнулись от страха. Сбивчивое дыхание дало понять наёмнику, что я действительно всё поняла правильно.

— Проклятье! Пять лет работал со Свеном, и он вот так легко отправляет мою душу к Салаиру! Бежим со мной, ум-

ница моя? — вдруг сказал наёмник.

— Что?!

— Они тебя найдут, — он снова принялся разглядывать моё лицо, и взгляд его сделался взволнованным, даже трепетным. — Вернее, даже не найдут, конец тебе... Бежим сейчас же. Прочь из города. У меня в конюшне лошадь, есть немного денег — нам хватит.

— Нет, меня ждут! — Я прижала кувшин к животу. — У меня дети...

Расс пылко выдохнул и выпустил меня.

— Беги скорее!.. Может, и не найдут тебя... — он сделал несколько шагов от меня на середину улицы и обернулся: — Спасибо тебе, умница моя. Не забуду. Пусть Арнос хранит тебя!

Махнув на прощание рукой, Расс скрылся за спинами прохожих. Я прижала кувшин и побрела в святилище. Сил бежать уже не было.

— Триса, ну наконец-то! — сказала Идда, встречая меня на крыльце. — Я уж думала идти тебя искать! Где тебя носило?

Я передала кувшин в руки травницы, скинула заледеневшие башмаки и легла на постель под одеяло в платье и шерстяном плаще, как была, задыхаясь от бессилия. В соседней комнатке запищали подкидыши и старшие дети Греты, раздался её бархатный голос. Она принялась успокаивать и кормить детей.

Идда вернулась ко мне и ахнула.

— Пресветлая, да на тебе лица нет! Что случилось, Триса?

Я не знала, стоит ли рассказывать. Не подвергнет ли то, что я скажу, опасности близких мне людей? Паладин... Стоит ли высовывать язык и искать с ним встречи? Что будет со мной и моими девочками, если я всё же решусь?

— Устала просто. Поспать нужно, — я отвернулась к стене.

— Есть не будешь? Я тебе кашу оставила.

— Меня Тания накормила... Ах, Идда! Совсем забыла... — я полезла в передник и выгребла нераспроданные баночки масла и монеты. Протянула травнице золотой. — Паладин пожертвовал на рынке.

— Ах, святой человек! Хвала Пресветлой! Хвала Арносу!

— Идда поцеловала монету, согретую теплом моего тела. —
Передам настоятельнице, мы сможем купить свою козу!

— Сможем, — сдержанно улыбнулась я. — Даже не одну.
Идда накинула послушнический платок и убежала к Альбе, а я вновь легла и закрыла глаза.

Тело потряхивало от пережитого страха и холода. Руки похолодели, будто жизнь из них вновь куда-то вытекла. Я не знаю, кем была в прошлом, хорошим ли была человеком, были ли у меня друзья, семья? Но то, что сделал со мной колдун — перечеркнуло всё. Теперь у меня нет будущего, я не найду мужа — никому не нужна нечистая, продырявленная невеста с отметиной на шее.

На душе стало горько. Я чувствовала себя совсем-совсем ненужной. И в этот миг в соседней комнатке засмеялись дети. Я повернула лицо к проёму, из которого сочился тёплый свет лампы, и увидела бегающих старшеньких перед Гретой, кормящей на руках малышей.

Пресвятая сберегла меня для чего-то, дала второй шанс. Я должна пойти к господину Генриху и предупредить об опасности. Если я дам ему погибнуть, то не смогу жить. Посплю и пойду. Завтра... Утром...

Светлые мысли принесли мир моей душе, и я задремала.

— Тлис-са, Тли-и-са... — раздалось тихое шептание, лепет малыша над ухом.

Детские пальчики изучающе коснулись волос.

Я открыла глаза. В окно во всю бил дневной свет.

— Проснулась, Трис? — проговорила Грета, поймав руку убежавшего от неё ребёнка. — Идём, Рик. Говорила тебе, не буди Трису, нашу добытчицу!

— Да ничего, — улыбнулась я, перехватив Рика, и посадила его к себе на колени. — Соскучился?

Я счастливо улыбнулась. Сердце наполнилось любовью и добротой. Дети казались мне недостижимым счастьем, которого у меня никогда не случится. Как не случится и мужа, и безопасной сытой жизни.

— Как себя чувствуешь, Трис? — села ко мне Грета и погладила по голове. — Ты была так бледна, стонала во сне. Мы не стали тебя будить. Идда пошла на окраину болота за моросянкой, сказала: “Пусть наша Трисочка-добытчица поспит, заслужила выходной”.

Рик взял в кулачок мои волосы и принялся внимательно рассматривать.

— Ни один мужчина мимо твоих огненных волос не проходит, — улыбнулась Грета.

— Да уж, — недовольно вздохнула я.

Мужчина... Как же мне пройти к паладину мимо Рэндеваля? Ведь если я покажусь ему на глаза, он меня не отпустит, сердцем чую.

— Чем ты встревожена? Вчера что-то случилось?

Я поднялась с постели и принялась осматриваться в комнате. Взгляд натолкнулся на гору старых лохмотьев, которые сдавали в святилище в помощь беднякам. Что-то доставалось и Идде с Греттой на тряпки для детей. Я вытянула вещицу, похожую на штаны.

— Грета, я лучше не буду рассказывать, что случилось. Ты так целее будешь. Остерегайся наёмников, не говори с ними, обходи стороной. И Идде передай.

— Что ты делаешь? Зачем тебе мужицкие портки, рубашка? Зачем переодеваешься в лохмотья? — округлила глаза Грета.

Я заправила сорочку и завязала на узкой талии бантиком тесёмку штанов. Набросила на плечи шерстяной плащ. Благо, такие без разбора носили и мужчины, и женщины. Прикинусь парнем-бродягой, может удастся пройти мимо Рэндеваля.

От задуманного сердце подпрыгивало к самому горлу. Но оно того стоило. Жизнь паладина, воина Света, стоила больше моей собственной.

— Если я не вернусь... — сказала я. — Помолитесь за мою душу Пресветлой Деве.

— Триса... — Лицо Греты побледнело. Она взяла Рика на

руки и крепко прижала к себе.

Я нашла в тряпье очаровательную валяную шапку, натянула её до ушей и затолкала поглубже волосы. Присела у очага, потёрла угольки в пальцах, а затем размазала по лицу. Чтобы уж точно не признали те, кто мог бы признать.

— Я пошла, — буркнула я и вышмыгнула на крыльцо, не подняв на прощание глаз.

Я заплакала бы и никуда не ушла, если бы увидела лица детей и сочувствующий взгляд их матери. Защити меня, Пресветлая Дева! Арнос, бог Света, и ты защити меня тоже...

Я пришла к ратуше. Рыночная площадь привычно гудела, люди толкались и куда-то спешили: все в разные стороны. Вот двое горожан разошлись передо моим носом, и я очутилась перед лицом Фалькона, вышагивающего прямо на меня и лениво кусающего яблоко.

Ну, всё, попалась... Я опустила голову и застыла, надвинув на лицо шапку.

— Проклятье, малой! — выругался начальник стражи. — Смотри, куда идёшь!

Он толкнул меня в плечо, я отлетела шагов на пять, едва удержавшись на ногах.

— Извините, пожалуйста, — вырвалось невзначай.

Не узнал. Значит, и Рэндеваль не узнает!

Я решительно двинулась к гостевому дому “Свет Вейгарда”. Лучший гостевой дом во всём городе, расположен был в центре, за ратушей. Во дворе стоял алтарь Арноса. У меня не было сомнения, что господин Генрих Даренфорс с соратниками остановился именно там.

Широкие окна, балкон на втором этаже, где стоял столик для завтрака с видом на город. Комнаты для самых дорогих гостей. Точно в таком же доме, с противоположной стороны площади, жил и наместник.

Подойдя к кованым воротам, я увидела двух шумно бесе-

довавших мужчин. Они, я бы даже сказала, спорили, ругались. Опасаясь попасть под горячую руку, я сбавила шаг и прижалась к стене.

— Иди к Салаиру, Кевин! Всех, кого господин взял в обоз, я уже записал!

— Сэм, но у меня же жена, дети!

— Знаю я твоих детей, один вином зовётся, другой — элем!

— Ты не сказал, что оплата серебряный в день! Ну, возьми же меня, Сэм! Я пить не буду!

— Поздно, малыш! Раньше надо вставать! Все мои люди уже выехали вместе с господином!

Как выехали? Я двинулась вперёд, заглянула в ворота и увидела пустые стойла, а ещё ни единой повозки, что обычно стоят в ожидании гостей. Следы сборов на земле... И правда уехали.

Тот парень, которого называли Кевин, снял шапку, махнул ей сгоряча в воздухе и зашагал прочь. Я повернулась к оставшемуся стоять в воротах господину Сэму.

— Паладин уже уехал, да?

— Уехал. А тебе чего надо? Работы нет, проваливай!

— Работы не надо, спасибо. А давно он уехал и куда?

— Как куда, — ухмыльнулся Сэм. — В холмы, по восточному тракту. С самого раннего утра. Людей у него достаточно, парень. Помимо своих, десятков наёмников, и мои голубки на обслугу. Проваливай домой.

— Ясно, спасибо, господин, — я махнула рукой и пошла в сторону восточных ворот.

А что я скажу? “Привет, Генри, тебя хотят убить?” Нужно же как-то найти с ним встречи? Но сперва, конечно, нужно догнать обоз.

Раз уж встала на этот путь, нельзя отступать. Вряд ли они едут быстро: столько повозок, людей... Утешала себя, как могла, но через три часа пути солнце стало клониться к закату, и силы стали покидать меня.

Но я всё равно шла. Шла по рыхлому снегу дороги... Ночь казалась не такой страшной, когда у тебя есть цель. На путевых столбиках ещё не потухли рансовые фонари, которые зажигают монахи — служители Арноса, когда идут в паломничество на белый холм, к самому большому в округе алтарю богу Света. Говорят, раньше там и монастырь стоял, но нечисть всякая вконец его разорила лет пять назад, и монахи перебрались под защиту городских стен.

Огни горели, отпугивали нечисть и поддерживали во мне тающие силы.

Донеслись приглушённые голоса. Из осторожности я свернула с дороги к деревьям и пригляделась. Впереди один за другим зажигались огни костров. Кажется, я догнала их. Волна облегчения прокатилась по телу. Уставшему, измотанному, истощённому.

Из леса потянуло ароматом вербены. Странно, откуда зимой?

Плечи передёрнуло от усилившегося мороза. Позади хрустнул снег, и у самого уха кто-то намеренно шумно втянул ночной воздух...

Сердце ушло в пятки. Я развернулась навстречу опасности.

В тусклых отсветах рансовых фонарей от дороги сумела различить перед собой высокую фигуру в тёмном камзоле. Человек стоял настолько близко, что я не видела лица, лишь уголок щеки, заросший щетиной.

И как я подпустила его так близко? Терпкий аромат лесной свежести, исходивший от мужчины, наполнил грудь. Вербена...

— Не лучшее время для прогулок, — низким, с хрипотцой, голосом прошептал он.

Сердце отмерло и заколотилось, как бешеное. Ладони покрылись ледяным потом. Захлестнул страх, сковал дыхание.

Взгляд упёрся в пояс незнакомца, на котором висели меч и кинжал. Но человек не спешил ими воспользоваться, стоял в расслабленной позе, а в руке вертел веточку ели.

— Что ты тут делаешь, мальчик? — он наклонил голову, заглядывая мне в лицо.

Я увидела его глаза. Серые, цвета холодной стали. И тут поняла, что передо мной Генри! Меня объял трепет. Удивление... Радость...

— А вы что тут делаете, сэр Даренфорс?! — пропищала я.

Думала, мне придётся пробиваться к нему через три кольца обороны! Безбожно обманывая и шныряя мимо наёмников и рыцарей.

— Прогуливаюсь перед сном. Что тебе тут нужно?

Прогуливается, видите ли, он, веточки собирает, когда его хотят убить!

— Сэр, я искала... искал вас! — я быстро поправилась, облизала губы и покрутила головой по сторонам, проверяя нет ли кого поблизости. — Понимаете, я подслушал разговор в корчме... наёмники... они хотят убить вас и присвоить дракона...

— Генрих, что там у тебя?! — раздался гулкий голос Рэндеваля, и из леса выплыла его тёмная фигура, хороша замечная на белом снегу.

Холодными липкими щупальцами меня снова объёял ужас. Нет, теперь уважаемый рыцарь меня не отпустит, надо бежать! Немедленно!

Я рванула. Но паладин, не мешкая, бросился следом, как волк, настигающий зайца. Мы отбежали шагов на двадцать, и он поймал меня. Ухватил за плечо, развернул к себе.

— А ну, стой!

— Пустите! — пискнула я, ударила его по руке, вырвалась и снова бросилась удирать.

Сама не знаю, откуда взялись силы в усталых ногах. Но от близости Рэндеваля во мне проснулось животное чутье: “Не попадись, а то погибнешь!”

Паладин толкнул меня в спину и повалил на землю. Оседлал. Крепкие бёдра сжали, придавили, не давая вздохнуть.

— Кто ты и зачем удираешь? — потребовал он ответа, развернув к себе лицом.

Я упёрлась обеими ладонями ему в грудь. Твёрдую и тёплую. Несмотря на нелепость ситуации, мои заледеневшие пальцы, насладились прикосновением. Паладин без стальных доспехов выглядел, как обычный человек, мужчина.

Через миг он развеял моё наваждение: на кончиках пальцев его второй руки засияли огоньки, осветив его и моё лицо.

Магия Света. Нет, он совершенно необычный мужчина. Магией владеют единицы на земле.

Он перехватил мои руки своей, одной. И так странно глядел на меня. Тщательно рассматривал. Глаза, нос, шею. Давление его бёдер ослабело, давая мне больше пространства для дыхания. Но по-прежнему я оставалась безнадёжно крепко скручена.

Я услышала приближающиеся шаги Рэндеваля в тот миг, когда Генри потянулся снять с меня шапку. И тут от страха разоблачения внутри меня будто заворочалось давно остановленное мельничное колесо. Со скрипом и скрежетом. С покалыванием в теле. С болью до слёз. В руки полился обжигающий огонь, ладони полыхнули вспышкой, озарившей лес, и Генри отлетел от меня шагов на пять, подброшенный неведомой силой.

Слышала, как он ударился о землю и застонал.

Я вскочила и приникла к нему. Генри лежал на спине, держась за грудь. Огни паладина погасли, но я видела в сумеречном свете рансовых фонарей его силуэт на снегу и искажённое болью лицо.

— Ты жив? Ранен? Прости, я не знаю, что это было! — испугалась я, прикоснувшись к его груди. Снова. Проверила бьётся ли сердце, дышит ли... Откуда-то мои руки всё это знали и умели.

— Ты маг? — прохрипел паладин.

— Я не знаю! Впервые такое! — пролепетала я.

— Впервые?! — он свирепо зарычал, схватил меня за руку и потянул на себя.

Я поняла, что он не верит.

Мои волосы рассыпались на плечи, коснулись Генри. Я поняла, что потеряла шапку, когда он валял меня по земле.

— Ты женщина! — с удивлением прошептал он.

Паладин был слаб. Держал меня, а у самого дрожали руки и плечи. Я не пыталась высвободить руку. Если бы попыталась, то смогла бы без труда.

Что же я сотворила с человеком?! С воином Света?!

— Генрих, где ты?! — закричал Рэндеваль.

Шаги его были уже совсем близко. Я слышала, как он мечом срубаёт мешавшие на пути ветви. Уже рядом. Уже вот-вот...

— Что происходит, Генрих?!

— Иди, беги, девочка... — прошептал паладин.

— Как? Ты меня отпускаешь? А ты как? Ты выживешь?

— Выживу... Беги!

Услышав за спиной шумное дыхание Рэндеваля, я вскочила от Генри и побежала.

“Беги” — легко сказать! Да где взять силы? Что это за огненная вспышка вырвалась из меня? Почему теперь так холодно, будто в чан с ледяной водой опустили?

Ноги совсем не слушались. Я прижалась к стволу ближайшего дерева и тихо сползла на снег. Прислушалась к голосам.

— Куда ты пропал, Генрих, ты же обещал освещать мне путь! — пробурчал Рэндеваль. — Да что это с тобой? Ты что, снежных кротов там ловишь? Вспышками лес озаряешь...

— Кротов ловлю, верно... — прохрипел паладин. — Помоги встать, дядя.

Он не рассказал обо мне. Не сказал о том, кто его ранил. Стыдно, должно быть, получить от девушки!

— Ох, ничего себе! — вскрикнул Рэндеваль. — Почему же ты молчишь?!

— Молчу? — голос Генри сделался слабее.

— Что, не чувствуешь?!

— Голова гудит, я ударился...

— Арнос! Да из тебя мана выходит. Твоё хранилище пробито. Хорошо так выходит... даже я, неодарённый Светом, чувствую. Как же это ты так ударился?

— Отведи меня в лагерь, — приказал паладин.

Рыцари побрели к обозам, я осталась одна на дороге, стограемая от страха вперемешку со стыдом.

Пробила хранилище паладина вот этими вот пальцами?! Какой кошмар! Кто же я такая? Что я за чудовище?

Как добралась до города — не помню. Тело не слушалось, голова гудела, плечи сотрясались от холода. Перед глазами стелилось туманное марево.

Добрела до святилища и рухнула на постель в беспамятстве. Как потом сказали девочки, пролежала три дня, и им снова пришлось ухаживать за мной, как за маленькой.

Стыдно.

— Кушай, кушай, Триса, тебе нужно набираться сил, — шептала Идда, поглаживая по голове.

Когда проснулась, на меня напал страшный голод. Было неловко съесть две порции супа и попросить ещё каши. Еды у нас было мало. Но Идда только улыбнулась и принесла в добавок сыра и молока.

— Не стесняйся, ты заработала. Главное, набирайся сил.

— Триса, ну, расскажи, что произошло, где ты пропадала целую ночь? И вернулась еле живая... — взволнованно сказала Грета.

Я прожевала кусок хлеба, заев его кашей, вытерла рот и посмотрела на подруг. Они были мне самыми близкими, беспокоились за меня — я должна быть с ними честна.

Я сглотнула образовавшийся ком в горле.

— Я услышала разговор наёмников о том, что они хотят погубить паладина, и пошла предупредить его. Надеюсь он

хоть что-то понял... запомнил...

Женщины разом охнули.

— Ох, я бы не пошла, не моё это дело! — запричитала Грета.

— Ну, ты смелая, девочка! — охнула Идда. — Тебе, кажется, удалось. Он вчера вернулся в город.

— Как вернулся?! Надеюсь, с ним всё в порядке после того, что случилось...

— А что случилось? — хором спросили женщины.

Я выпрямила спину, заглянула в окно: не бродит ли кто у дома, и перешла на шёпот.

— Из моих рук вырвалось пламя...

— Что-что? — не разобрала Идда.

— Пламя, — повторила я, развернув ладони вверх. — Прямо из пальцев.

— Пресветлая Дева! — взмолилась Грета и отошла на шаг. — Ты зачарованная колдуном!

— Не знаю! Не знаю, кто я! — в отчаянии прошептала я.

Слёзы брызнули из глаз. Я уже не могла держать в себе страх и напряжение, отчаяние, в котором находилась с момента пробуждения в стенах святилища. Я не знала, кто я, и с каждым днём это всё больше и больше пугало.

Идда обняла за плечи, привлекла к себе.

— Ты светлая и добрая женщина, Триса. Я не верю, что ты зачарованная. — Она повернулась к Грете и принялась объяснять больше для неё: — Говорят, в древности были жен-

щины, наделённые магией, и бились с чудовищами наравне с паладинами. Это сейчас считают, что в женщине магия родиться не может, что женщина-маг — это обязательно порождение колдунов, которые делают их своими любовницами.

— Идда! Но ведь я была у колдуна! — тихо шмыгнула носом, вытирая глаза. — Это ведь он наградил меня чудовищным даром? Я не знаю, что теперь делать...

Грета глядела на меня округлившимися от страха глазами. — Слушай, Триса, — проговорила она. — Давай скажем Светлой Альбе. Может, она знает, что делать?

— Нельзя, — проговорила Идда. — Никто не будет разбираться, откуда у нашей Трисы магический дар, её убьют, как зачарованную, чудовище, порождение тьмы! Нельзя говорить! Тебе, Триса, нужно пойти в библиотеку святилища и поискать манускрипты о женщинах-магах. Нужно найти способ доказать, что ты — светлая!

Я протёрла тело мыльной губкой и помыла волосы. Надела серое, из грубого льна, платье послушницы, в каких ходили все женщины, живущие в стенах святылища. Покрыла плечи шерстяным плащом, а волосы убрала под платок.

Вышла на двор. Порыв морозного ветра ударил в лицо, проник под плащ и заставил поёжиться. На плечи спустилось несколько снежинок. По телу пополз зябкий холод, и ноги затряслись.

Неведение, опасность и страх узнать о себе правду тяжёлым грузом легли на сердце.

Туже закутавшись в плащ, я пересекла двор и подошла к дверям большого каменного здания. Библиотека святылища находилась на втором этаже и занимала огромный зал, заставленный шкафами. В прошлом месяце я работала там: протирала пыль на полках и мыла полы. Именно тогда я узнала, что умею читать.

Очищая мягкой кисточкой корешки книг на полках я с интересом разбирала названия: “История королевства. Том двадцать восьмой”, “Короли и драконы”, “Жизнеописание первого паладина Ювеналя”.

Древние книги так манили достать их и жадно поглощать страницы, но я опасалась, что меня застукают и наругают. Настоятельница Альба не всем монахиням-то разрешала

прикасаться к книгам, ни то что какой-то послушнице.

Но сейчас у послушницы был повод появиться в библиотеке. Снова подходило время протирать пыль и мыть полы. Так что, надеюсь, ни у кого не возникнет вопросов, что я была среди книжных шкафов.

Я вошла в холл, вытерла башмаки и, взяв щёточку от пыли — своё прикрытие, отправилась в зал библиотеки. Но как только я протянула руку к двери зала, она сама распахнулась. И передо мной выросла огромная фигура в стальных доспехах с позолотой, окутанная красным плащом и ароматом вербены. Я ударилась головой в стальную грудь и отскочила, как мячик.

Сердце ускорило ритм.

Паладин! Он ещё посмел придержать меня за локоть, чтобы не упала.

Обдало жаром, будто стояла вблизи бушующего пламени. Я прикрылась рукой от невидимых обжигающих всполохов и отшатнулась. Увеличившееся расстояние позволило разглядеть Светлую Альбу справа от Генриха и Рэндеваля у него за спиной.

Почему мне так жарко?

— Мы сверились с Кодексом Света, теперь идёмте наверх, там сможем всё обсудить, — донеслись до меня слова Альбы, словно из тумана. — Проходите вперёд, господин Генрих, что там такое?

Я не шевелилась, стояла как истукан, в проходе, загора-

живая путь. Сердце бешено заколотилось.

Не время пугаться! Не время бежать! Если он узнал меня, то бежать уже некуда!

Я подняла глаза и встретила взгляд паладина. Его густые тёмные брови нахмурились, серые глаза внимательно изучали меня несколько мгновений. И тут он улыбнулся. Мило, приветливо.

— Госпожа разрешит пройти?

Как? И всё? А где же: “А ну, стоять! Попалась!”

Ничего такого не было. Он продолжал глядеть на меня с доброй улыбкой на бледном-бледном лице.

— Извините, сэр.

Я отпрыгнула в сторону, и рыцари прошли мимо. Рэндеваль раздражённо вздёрнул белой бородкой и не обернулся. Видимо, тоже не узнал. Зато Светлая Альба одарила сердитым взглядом и пшикнула:

— Не мешайся под ногами, у меня тут важные гости!

Я вытянулась в струнку и прижалась к стене, дожидаясь, пока “важные гости” поднимутся по лестнице на второй этаж и скроются в галерее, а затем шмыгнула в библиотеку.

Книг тут было много, но большая часть с рецептами лечебных масел и зелий, с полным пошаговым описанием приготовления, что меня мало сейчас волновало. Я решила начать с уборки в шкафах по истории королевства.

На глаза попались “Короли и драконы”. Украшенный золотой нитью корешок книги ещё в прошлый раз привлёк

внимание. Для вида я махнула кисточкой, убирая пыль, и достала с полки тяжеленную книгу. Положила на подставку и раскрыла.

С картинками, ого. Как красиво!

На страницах изображены изрыгающие пламя драконы, которые сражались с паладинами, отвечающими огнём. В краску, наверняка, добавлено золото: страница так красиво переливалась в отсветах лампы.

Я перевела взгляд с рисунка на буквы.

“...Дракон — стихийное порождение, рождается в момент сильной магической вспышки. Высший маг также может сам создать дракона, отдав ему не только ману, но и часть своей жизненной силы...”

Хм, интересно, кто призвал того дракона, что в холмах?

Я закусила губу и принялась листать дальше.

“...Тёмные колдуны использовали призыв дракона для уничтожения людей и захвата королевства...”

Так... ну, с драконами пусть паладин разбирается. Мне надо выяснить о женщинах-магах! Я собралась закрыть книгу, но взгляд выцепил на странице имя.

Даренфорс.

Я пригляделась: да тут о Генрихе!

“...Это был тяжелейший бой при Брадонгарде. В нём участвовали Первый паладин короля Адеваль и его сын Генрих Даренфорс в возрасте двадцати трёх лет. Адеваль героически спас от разрушения драконьим огнём крепость, но

сгорел во вражьем пламени. Сэр Генрих обрушил на дракона неистовое пламя, уничтожил дракона и спас город...”

Значит, это не первый твой дракон, Генри. Не то, чтобы я переживаю, нет, но немного волнуюсь. Такое чудище опасное, а у тебя хранилище расколото. И бледный ты...

Я перешла к другому шкафу. Отлично. Вот то, что мне нужно. “Женщины и чудовища”.

"Глава первая.

Зачарованные тёмной магией"...

“...Признать истинно-рождённую светом или зачарованную может только Праведный суд Первого мага короля, светлого Ристуса ... Но чаще всего, если на женщину пала тень подозрения в зачарованности, — это достаточная причина для истребления. Поскольку в любой момент она может услышать зов своего тёмного хозяина и обратиться из женщины в чудовище. Сомнительных женщин нужно немедленно казнить.

Охотник за нечистью, паладин Локхарт”.

Какой кошмар! Если я всё-таки чудовище? Немедленно казнить?! И что это за Праведный суд такой?..

На сердце стало черно. Губы искривились в попытке сдержать слёзы, но предательские капли обжигающими струйками потекли по лицу.

Я совсем одна и некому меня защитить...

Где же ты?.. Тот, чьи руки я помню на своих плечах? Надёжные, оберегающие. Ты был для меня Светом. Моим истинным. Как же мне темно и страшно вдали от тебя... Больше нет надежды на встречу... Теперь я порождение тьмы, и не будет у меня счастья...

Я промакнула глаза, но слёзы всё текли и текли. Сквозь затуманенный влагой взор прочитала:

“Праведный суд Первого мага короля Ристуса”.

Что ж, посмотрим, что это за действо такое.

“...В случае выявления у женщины огненной магии, для выяснения его природы требуется половой акт, совершённый Первым магом над подозреваемой...”

Что?! Господин Ристус, вы что иным способом женщин не привлекаете?

“Когда во время акта любовники допускают слияние хранилищ, светлый маг проверяет размер и стенки хранилища женщины... — Пресветлая, как же порочно это звучит! Как ты допускаешь подобные книги в святилище?! — ... И тогда маг может судить о том, как давно оно было создано. Хранилища, развивающиеся с рождения, имеют крепкие стенки и большую вместимость. Временные, зачарованные хранилища, похожи на мыльный пузырь...”

Сколько же ты провёл опытов, чтобы всё выяснить про хм... стенки женщины? Ярый ты был, однако, исследователь, Ристус...

Я завозилась рукой у себя на животе. Интересно, где у меня хранилище и какие у него стенки?

Из задумчивости меня вывели голоса, раздавшиеся с верхнего балкончика. Я быстро убрала книгу и принялась вытирать пыль.

— Садитесь, сэры рыцари, здесь мы сможем обсудить дальнейшее лечение Генриха, — сказала Альба.

Раздался низкий хриловатый стон.

— Осторожнее, племянник, держись за меня... Садись

сюда, — донёсся грохочущий голос Рэндеваля.

Загремели стулья, и зашуршала сталь доспехов. Интересно, сэры рыцари знают, что тут хорошая слышимость? Я притаилась у шкафа, став невольной слушательницей.

— Итак, мы узнали, что раскол нельзя вылечить окончательно, — сказал Рэндеваль.

— Верно, — согласилась настоятельница. — Мана будет постоянно утекать. Вопрос с какой скоростью. Нужно дать трещине затянуться, а для этого необходим полный магический покой. Полное истощение маны для мага равнозначно смерти. Многие паладины, кто не соблюдал рекомендации, гибли.

— Нет способов побыстрее затянуть трещину? — вкрадчиво проговорил Генрих. — Меня ждёт дракон.

— Я повторю, может, кто-то не расслышал, — строго сказала Альба. — Кто не соблюдал рекомендации — гибли. И так как в наших землях нет сильного мага, способного вас исцелить, я могу посоветовать только лечение любовью. Ежедневное, многократное, пока трещина не уменьшится. Когда скорость утечки будет равна скорости восстановления, ваше состояние можно будет назвать стабильным.

— Что это за способ, хм... кто-то должен меня полюбить? — усмехнулся паладин. — Боюсь, это невозможно, чувства дело такое... интимное. Любить не прикажешь.

— Всё несколько проще, сэр Генрих, приземлённее, — отозвалась Альба.

— Вот как?

— В трактате сказано, любовный оргазм женщины вызывает вибрации, ведущие к исцелению хранилища. А также к увеличению его объема, разве вы не знали? Об этом ведь Первый маг Ристус писал...

Возникло некоторое молчание.

— Какой интересный способ, — процедил Рэндеваль. — Вот почему ты был так силён, племянник. ...И то-то в последние годы сдал.

— Этот способ мне не подходит, я ещё семь лет должен носить траур, — произнёс паладин.

— Сочувствую, сэр Генрих, — сдавленно произнесла Альба.

— Ты теряешь ману со скоростью ветра, Генрих, — сказал Рэндеваль. — Если жизни паладина что-то угрожает, то на светские законы придётся забить. Я настаиваю.

— Это воля короля, — низким голосом произнёс паладин. — И моя тоже.

— Что скажет король, когда увидит твой светло-почивший труп?

— Я знаю, что сильно оскорблю нашу с ним дружбу, если нарушу траур. Это слишком личное.

— Арнос Великий! Генрих, я беспокоюсь за твою жизнь, ты должен согласиться! — повысил голос Рэндеваль. — Неведомое существо раскололо тебе хранилище, а ты предпочитаешь умереть в постели, не бороться, сдаться?!

— Откуда ты знаешь про существо, дядя?

— Ты постыдился признаться мне, что был на поляне не один? Я вернулся на утро и нашёл кучу следов. Ты боролся. Но с кем? Ты не говоришь...

Снова наступило молчание. Кто-то стучал пальцами по столу.

— Ладно, я согласен на ваш способ, настоятельница, — сказал паладин, нарушив тишину. Стук пальцев прекратился. — Найдите мне женщину.

— Ну вот, — хмыкнул Рэндеваль. — Даренфорсы не терпят хватку!

— Может, будут пожелания на счет девушки, сэр? Девственницу?

— Нет, с декой много мороки, — отозвался паладин. Рэндеваль хохотнул.

Неотёсанные мужланы эти рыцари! Я представила, как загорелись щёки у настоятельницы от их слов.

— Пожелания будут. Пусть будет миловидная, — сказал Генри. — Худенькая и непременно рыжая.

— Сэр? — поперхнулась Альба. — Рыжая женщина большая редкость в наших краях! Может, блондинку?

— Нет. Я люблю рыжих... У каждого свои недостатки, — понизил голос паладин.

— Понятно, сэр Генрих. Мы постараемся...

— Пусть приходит вечером ко мне в “Свет Вейгарда”. И да, конечно, скажите ей, я хорошо заплачу.

Вновь загремели стулья и послышались удаляющиеся шаги. Я прижалась к полкам, размахивая кисточкой, в надежде, что на меня не обратят внимания.

Не обратят внимания? Смешная... Давай посчитаем, сколько рыжих девушек ты встречала в Вейгарде?

Одну?

Верно. Ту, что сейчас вытирает пыль на полках...

Ох, чувствую сейчас придёт Альба, посмотрит на меня виновато. А я засмущаюсь, скривлю лицо, скажу: “Нет, я не шлюха, я послушница!”

Но паладин погибает. И погибает по моей вине! А моя честь давно измарана колдуном. У меня нет будущего, нет счастья... Что бы не говорили обо мне потом, если я могу спасти ему жизнь, я сделаю это, пойду на прочную связь...

А если Генри сумеет прощупать моё хранилище? Он же паладин, а значит маг. Может, ему достанет опыта понять, кто я?

Сердце заколотилось от отчаяния. Глотнула воздух и затаила дыхание. Я боялась узнать правду о том, кто я. Правде в глаза посмотреть так нелегко!

Если Генри решит, что я зачарованная — он меня убьёт. Зубы застучали, плечи затряслись. Прошлого не изменишь и не найдёшь виновных!

Ну что ж... Убьёт. Зато я не причиню больше никому вреда! Отчаяние лилось из меня вместе со слезами.

Я должна спасти ему жизнь — вот теперь моё единствен-

ное предназначение! Пальцы с решимостью обхватили ручку щётки, сердце успокоило ритм. Я выдохнула свободнее.

Скрипнула дверь библиотечного зала и раздались тихие шаги настоятельницы, которые я тут же узнала. Чутье подсказало: это по мою душу.

— Триса, у тебя есть возможность, наконец, сделать что-то действительно полезное, — холодным тоном произнесла она. — Проведёшь ночь с герцогом Генрихом Даренфорсом. Он заплатит. Ты согласна?

— Я готова, — произнесла я, отложив щётку и вытянув шею.

Альба с удивлением оглядела меня, плотно сомкнув морщинистые губы, и тяжело вздохнула.

— Шлюхам не место в святилище, ты понимаешь? — настоятельница понизила голос.

— Понимаю... — склонила я голову.

— Иди за мной.

Мы двинулись к дверям и поднялись в покои Альбы.

— Тут у меня ванна, я приказала наполнить её для тебя. Искупайся. Герцогу будет приятнее иметь дело с чистоплотной девицей.

Ужалила так ужалила! Я же утром мылась, и моюсь каждый день! Не знаю, кем и где я была воспитана, но так уж привыкла, в отличие от северян: жрицы святилища мылись раз в шесть дней.

Я прошагала в комнату с деревянной бадьей и потрогала

рукой воду. Она была тёплой.

— Ты раньше занималась с мужчиной любовью за деньги? — спросила Альба из соседней комнаты.

— Нет... Я не помню, — произнесла я тихо, скидывая серое послушническое платье. — Ничего не помню... — повторила, опускаясь в ванну.

Я взяла мочалку и прикоснулась к своему телу. Вздрыгнула, представив, как вечером его коснётся рука чужого мужчины. И скорее всего это будет не так нежно. Судя по смешкам на счёт девственниц, на нежность можно было не рассчитывать.

Я ведь не дева, значит, предстоящее не должно меня так пугать! Но всё же я очень переживала. Не из-за боли, нет. Её я вытерплю, даже если он будет грубым, как зверь. А скорее — из-за своего положения. После того, что случится, мне будет закрыта дорога назад в святилище. Тут строго настрого запрещены временные отношения с мужчинами. Если послушница всё же уходит с мужчиной, то непременно замуж. А если послушница соглашается на любовь за деньги, то ей прямая дорога на постоялый двор или в бордель.

Может, Тания возьмёт меня помощницей? А если не возьмёт, то... Нет, не хочется думать, что будет завтра. Быть может завтра для меня не настанет, если Генри поймёт, кто я.

Я опустила руку в воду и принялась мыть бёдра и прочие складочки.

Ох, как я могла забыть о таком важном! Нужно попросить

у Идды мазь от беременности. Понести в моём положении было бы совершенно недопустимо...

Я распустила волосы и принялась мылить и купать их. Давно ли сэр Генрих, будучи в походе, видел такую чистую девушку?

Мысли заставили невольно улыбнуться. Генри был симпатичен мне. Если бы какому другому паладину потребовалась моя помощь в исцелении раскола, я бы десять раз подумала, и не уверена, что согласилась бы... Но его серые глаза, улыбка, которой он улыбнулся мне на пороге библиотеки... Внутри воспламенилась искра интереса, а каков паладин в постели?

Щёки запылали от стыда, кожа сделалась слишком чувствительной от собственных прикосновений. Я поспешила выбираться из купели.

Из соседней комнаты донеслась возня. Альба что-то приказывала послушницам. Я завернулась в льняное полотно и вышла к женщинам. На постели настоятельницы лежало чудесное красное платье, с длинным подолом и открытыми плечами. Такие носили благородные леди на светских приёмах.

Откуда мне известно, что носили леди, если я не бывала на приёмах?

— Вытерлась? — кивнула Альба. — Примерь. И если не в пору, девушки быстренько подгонят.

Я нарядилась. Платье смотрелось великолепно. Грудь сто-

яла, поднятая корсетом, как у принцесс на портретах. Талия на платье была немного широка, и две послушницы, раздев меня, принялись ушивать её.

— Откуда у вас такая прелесть? — спросила я у Альбы, когда на меня снова надели платье.

— Пожертвовала одна знатная дама, приняв обет монашества. Это было тридцать лет назад, но мода не меняется веками, а дорогие ткани способны служить десятилетиями.

— Соглашусь, — сказала я, едва сдерживая восторженную улыбку от прекрасного наряда.

— Давай уберём волосы наверх в причёску, так будет солиднее, — нахмурилась Альба, скручивая мои волосы в жгут. — У меня ещё где-то были чудесные алмазные заколки.

Я кивнула и улыбнулась, не находя, что сказать. Сердце радовалось, как у маленькой девочки перед праздником. Хотя какой праздник, с жизнью прощаться пора...

— Не грусти, ты ведь не в первый раз, — протянула Альба.

— По правде говоря, я не знаю, что должна делать... — призналась я.

— Тут совета я тебе не дам, я жрица, никогда не была с мужчиной. Ты тут знаешь лучше меня, — ответила настоятельница, закрепляя мне волосы алмазными заколками.

— Не уверена, что знаю... — тихо произнесла я.

Как же предательски дрожал голос!

— Не переживай, Трис, он сделает всё сам, — прикоснулась к плечу настоятельница. — Просто будь благосклонна.
— Хорошо...

Светлая Альба внимательно осмотрела меня в платье и поморщилась.

— Ещё не всё. Твои шрамы на шее... Воину Света будет неприятно их видеть, — настоятельница порылась в шкатулке с драгоценностями. — На, возьми кольцо. Давай, помогу застегнуть.

Широкое плетение легло мне на ключицы, закрыв на спине серые полосы шрамов от кровопускания.

— Повернись. Да, теперь хорошо. Иди, Триса. Он ждёт.

Опустив голову, я двинулась к двери.

— Триса, — окликнула Альба. — И верни, пожалуйста, потом платье и украшения.

— Хорошо, я верну.

Я взяла в руки свой шерстяной плащ и невольно поморщилась. Он пробыл у меня всего год, а выглядел уже как половая тряпка. Никак не сочетался с шикарным алым платьем и украшениями. Бесцветно-серый, из самой дешёвой шерсти, он был чуждой скорлупой для меня настоящей. Не знаю, кем я была прежде, но к одеждам привыкла дорогим и добротным.

Но делать нечего, накинула на плечи, покрыла голову капюшоном и двинулась во двор. Нужно успеть забежать к Идде за мазью.

— Мне сейчас лучше этим воспользоваться или позже?
— прямо спросила я.

К чему смущения и стыд, если другого пути нет?

— Я не знаю, сколько будет длиться у вас... кхм... прелюдия, — краснея, как рябина на морозе, сказала Идда. — Думаю, лучше не рисковать и применить непосредственно перед... кхм вхождением. Вдруг у раненого процесс затянется, а действие мази на коже быстро выветривается. Ну, не беспокойся, Триса! Отпросишься по нужде, найдешь момент, — вкрадчиво договорила травница, перебирая пальцы.

— Поняла, спасибо.

Я убрала мазь в щёлку меж грудей.

— Иди сюда, Рик, не подходи к ней... — прошептала Гре-

та из соседней комнаты.

Малыш Рик привычно потянулся ко мне, но мать дёрнула его за руку и оттащила подальше.

— Иди сюда, кому говорю?!

Я с недоумением поглядела в спину подруге.

— Что такое? — прошептала я, переводя взгляд на Идду.

— Не одобряет любовь за деньги. И просто завидует, — понизила голос травница. — Не каждая продажная женщина может лечь с герцогом, тем более с паладином, а тебе подвезло. Иди, Триса. Пусть Пресветлая хранит тебя!

Я покинула подруг, бывших моей семьёй три года, и отправилась в сторону площади, к гостевому дому “Свет Вейгарда”. Что ждёт меня дальше? Доживу ли до утра?

Губы задрожали, к глазам подступили горячие слёзы.

Нет, нельзя сейчас плакать! Испортишь вид — прогонит тебя паладин! Не спасёшь его!

Я подняла глаза к небу. Дневной свет иссяк. Далеко на западе догорала заря. Пронизывающий ветер пробирался под плащ и заставлял дрожать. От холода. От страха. От тяжести на сердце.

Подойдя к воротам гостевого дома, услышала скрежет доспехов, ржание лошадей и голоса рыцарей.

Рэндеваль! Вот кому не хотелось бы показываться на глаза. Я притаилась в тени ограждения и подождала, пока рыцари проведут лошадей через ворота.

— Ну, Генрих... — недовольно пробурчал Рэндеваль. —

Сам собрался развлекаться с девкой, а меня отправляешь с чудищами болотными порядки наводить!

— Что, простите, сэр Рэндеваль, не расслышал? — произнёс идущий следом рыцарь.

— Ничего, Самуэль... Ночь ясная, говорю, луна полная! Чудища из всех нор полезут, будьте осторожны.

— И вы будьте осторожны, сэр!

Проводив взглядом удаляющихся рыцарей, я глубоко, насколько это было возможно в тесном платье, вздохнула. Усмирила неистово бьющееся сердце. Рэндеваль ушёл — так спокойнее. Облегчение тёплой волной потекло по жилам, плечи снова передёрнуло.

Сделав несколько глотков свежего морозного воздуха, я поднялась на крыльцо и постучала в высокие дубовые двери.

Открыла служанка. Я разомкнула рот, чтобы объяснить, кто я такая и зачем пришла, но меня опередили.

— Входите, сэр Даренфорс вас ожидает, — сказала она, впуская меня.

Генрих стоял напротив дверей в мягких брюках и сорочке с расстёгнутыми верхними пуговицами, откуда торчало несколько закрученных волосков. Его домашний вид смутил меня. И почему я полагала, что на свидание он непременно придёт в доспехах? Улыбнулась своей наивности.

Сэр паладин приблизился, чтобы взять у меня плащ. От Генриха веяло испепеляющим жаром, от которого перед глазами поплыло красное марево, и я согрелась в один миг.

Его ладонь мимолётно коснулась моих плеч, прикосновение обожгло. Я поёжилась.

— Добрый вечер, госпожа... — произнёс Генри низким, рокочущим голосом, и струны в моей груди тотчас задрожали. Волнение протекло волной по жилам, сливаясь в животе в огненный водоворот.

— Триса, — дрожащими губами прошептала я. — Меня зовут Триса.

— Генрих, — паладин мягко взял меня за запястье и поцеловал кисть. Движения были знающими и уверенными. Он не мешкал и не стеснялся, в отличие от меня.

Лишившись накидки, я оказалась с раскрытыми плечами и ключицами, и тут же почувствовала оценивающий мужской взгляд на своей обнажённой коже.

Сейчас заметит шрамы и побрезгует... выгонит...

Я опустила взгляд в пол и ждала приговора.

Мана действительно так сильно сочилась из паладина, что даже я, зачарованная или нет, чувствовала набегающие волны тепла, исходившие от Генри.

— Триса... — попробовал на языке паладин. — Это северное имя, очень похоже на сокращение от Беатрис, популярного на юге. Ваше полное имя Беатрис? — он приподнял бровь.

— Нет-нет, Триса — это моё полное имя, — не поднимая глаз пробурчала я.

— Очень приятно, леди Триса. Идёмте ужинать? — он

протянул руку, предлагая мне взяться за неё.

— Мы что, будем есть?! — изумилась я.

Ой, я что, разве сказала это вслух? От напряжения язвительные слова вырвались, подобно стреле обороняющегося.

Глаза Генри озарились насмешливыми серебряными огоньками.

— Я бы предпочёл, чтобы моя любовница была сыта, — улыбнулся он, не сводя с меня ласкового взгляда. — Поужинаем. Я должен хоть немного узнать вас. Не привык вести девушку в постель, даже не поговорив с ней.

— Хорошо, идёмте, — я подала руку и увидела, как она тряслась.

Всё тело тряслось от страха!

— Вам нужно успокоиться.

Генри крепко сжал пальцы горячей ладонью, вложил себе под локоть и повёл в зал. Мужская рука дарила уверенность и... трепет. Я провела пальцами по ткани рукава, ощущая горячее крепкое тело под сорочкой. Скоро он снимет её, и тогда... Будет ли он столь ласков и обходителен?

— Выпьем вина, поедим. Я не страшный, поверьте.

Мы вошли в зал. За столом было полно знатных гостей. О нет, тут Фалькон! Криво улыбается мне, но хотя бы без пошлости, как в прошлый раз. Видимо, дружбу с паладином, ценит выше сомнительной связи с порочной рыжеволосой девицей.

И наместник Хакон с женой тут. И куча других горожан.

Женщин в изящных нарядах. И как хищно они все глядят на нас с Генрихом! Ой!

Я перевела взгляд на слегка небритую щёку паладина, только чтобы вновь не уставиться в пол и не показать слабость.

— Познакомьтесь, это моя леди Триса, — сказал Генрих, отодвигая для меня стул.

Я села.

“Моя”. Она сказал: “моя”. От этих слов на сердце потеплело, и я улыбнулась.

— Добрый вечер, леди Трис-са, — первым поздоровался Фалькон, остальные повторили вежливые слова.

Я учтиво кивала, стараясь не глядеть никому в лицо. И хоть Генри не назвал меня нанятой шлюхой прямо, все всё равно догадались, кто я.

— Ужин скоро подадут? — кивнул паладин Хакону.

— Скоро... Пока принесли только закуски, — наместник перегнулся через стол, приблизив лицо к паладину. — Генрих, мы бы успели ещё разок размять пальцы, давай, а?

— Минуту, — ответил Генри, нависнув у меня над головой. — Сперва поухаживаю за своей леди. Вина, Триса?

Он повторил эти слова: “моя леди”. Внутри всё встрепенулось, и струны души вновь задрожали. Не понимаю, что со мной. Генри мне нравился, очень нравился, но отдаваться влечению было бы слишком глупо и опасно. Грозило обернуться нестерпимой болью и разочарованием.

— Да, можно, — кивнула я.

Хочу напиться, чтобы притупить чувства. А лучше забыться полностью на всю оставшуюся ночь...

Я пригубила вино, а Генри так и не присев, резко двинулся в сторону, мелькнув краем своей широкой спины в белой рубашке.

Я увидела загоревшийся взгляд Хакона. Наместник отодвинул стул, ловко встал и взял с дивана, стоявшего за спиной, виолу и смычок. Тронуть струны не успел: Генри его опередил.

У меня за спиной посыпались ускоряющиеся точёные отрывистые звуки, я обернулась и увидела паладина с приложенной к подбородку виолой. Кисть умело гоняла смычок по грифу, лицо Генри было сосредоточено и спокойно.

Ритмичный нарастающий призывный звук отозвался в душе. Я ощутила изумление и подъём. Восторг! Струны в моей душе зарезонировали. Хакон тут же подхватил мелодию, и все гости застыли, с большим вниманием наблюдая противостояние двух виртуозных музыкантов.

Генри удивил меня. И восхитил. Я думала, паладины умеют только убивать драконов и сводить с ума юных и не очень дев, но, оказывается, они многообразованные, тонкой души люди.

Ах, какая восторженная музыка, смелая! Я не сводила глаз с Генри, с его строго, увлечённого лица и широких мускулистых плеч. Невероятное сочетание силы тела и красоты

духа. Генрих двигался грациозно, переступая с ноги на ногу, мышцы его перекачивались под тонкой тканью сорочки. Иногда он становился ко мне лицом, а иногда поворачивался боком.

Ах, зачем? Чтобы я оценила, как крепки твои выступающие части, Генри?

Жар маны, растекающийся от паладина, заставил меня совсем раскраснеться. Я сделала глоток вина, чтобы немного остыть и успокоиться.

Спустя несколько пассажей, Хакон сдался и замолчал, не успевая за скоростью. Тогда Генри улыбнулся, довольный тем, что всё внимание теперь отдано ему одному.

Ему одному.

Такой был Генри, первый во всём, добрый и излучающий Свет. Не знаю, откуда я это знала, просто чувствовала. А может, его горячая мана, наполнившая зал, всё мне о нём рассказала.

Генрих задумчиво поглядел на меня, и звуки его виолы с быстрых и ритмичных сменились на низкие и протяжные. Струны запели, заплакали, будоража сердце. Именно так скулило оно день ото дня, с тех пор, как случилась моя беда. Но откуда он знал?

В зале появились служанки с подносами. Донеслись вкусные запахи печёной курицы, картошки, свежего хлеба и зелени.

Генрих смолк, опустил от лица виолу и поклонился слу-

шателям. Все захлопали, а я, кажется, хлопала громче всех.

— Восхитительно, сэр Генрих, — произнесли женщины.
— Вы просто мастер! У вас великолепные пальцы! Как вы талантливы!

— Признаю, ты лучший, — сказал Хакон.

— Занимался с детства, но в последние годы не до того было. Чудесно, что у вас нашёлся инструмент. Надо сказать, великолепного мастера! — Генри занял место за столом и повернулся ко мне, взяв за руку.

Чуть заметно погладил по запястью. Он что ласкает меня?

— Успокоились немного, леди Трис?

— Да, спасибо, всё хорошо, — прошептала я. — Вы очень здорово играете.

Ах, зачем я это сказала! Выглядит, как будто стелюсь перед ним, как эти леди!

Я увидела, как напряглась жилка на виске паладина, и с волос потекла струйка пота. Видно, не так легко ему даётся дарить веселье гостям.

— Спасибо, очень рад, что вам понравилось.

Генри принялся ухаживать за мной. Положил картошку и курицу, подлил вина.

Окружённая мужской заботой, я растерялась. К горлу подкатил ком. Этот мужчина был великолепен, и я даже осмелилась подумать, что... хочу, чтобы он был моим!

Нутро обожгло, словно кнутом, от стыда. Как я смею так думать?!

Ком в горле всё крепчал, нарастал спазм. Задрожали губы, увлажнились глаза.

У меня никогда не будет такого мужчины. У меня не будет никакого. После того, что со мной сделал колдун, я порочная и грязная. И если паладин узнает во мне зачарованную и убьёт, что ж. Плакать никто не будет...

— Трис, — Генри легонько коснулся моего запястья. — Ешьте, силы вам понадобятся.

Как пошло звучит! И особенно это небольшое сокращение моего имени в его устах! Ну что ж, Генри, сделай со мной всё, что тебе угодно, если это будет тебе во благо. Я хочу, чтобы ты жил.

— Хорошо, сэр, — кивнула я.

— Сэр Генрих, так когда вы, говорите, вновь пойдёте на дракона? — проговорил Фалькон.

Генри прищурился и перевёл взгляд на начальника стражи. Теплота его серых глаз мгновенно сменилась холодом стали.

— Я уже доложил господину Хакону: мне понадобится три дня на восстановление. Может, меньше, — Генри едва заметно покосился на меня. — За это время мои люди вычистят ваш лес и болота, на которые договора не было. Делаю это по чистоте душевной.

— Вы очень щедры, сэр Генрих, — улыбнулся Хакон.

— А что это за тварь, которая напала на вас на южном тракте, она больше не появится? А то монахи теперь поба-

иваются ходить на с-свой холм, — протянул Фалькон, откинувшись на спинку стула.

— Полагаю, целью этой твари был именно я, паладин. Другие ей не интересны. Пусть монахи не боятся. Это зачарованное существо, носит человеческое обличье. Я отпустил его, чтобы добраться до тёмного хозяина.

— Тёмного хозяина?

— Колдуна, тёмного мага, ведьмы — служителя Салаира, так их называют, — произнёс Генри. — И дракон — доказательство того, что мы имеем дело не со стихийно возникшей нечистью. Служители Салаира копят силы, чтобы изгнать Свет с земли Арноса. У вас тут, похоже рассадник.

Пока слушала Генри, руки вновь похолодели, и в груди начал гудеть набатом страх.

— Сэр Генрих, а вы знаете, что Трис-су мы нашли без памяти на болоте? — вякнул Фалькон.

Сердце ушло в пятки. Ублюдок толстый!

— Вот как? — Генри поглядел на меня, отложив вилку. — Очень интересно. Что вы делали на болоте?

— Я не знаю, — пробормотала я. — Ничего не помню.

— Мы думаем, Трис-са стала жертвой служителя Салаира.

Замолчи, Фалькон! Замолчи!

— Это не исключено, — проговорил Генри, вновь взявшись за приборы.

— Разве вам можно с... грязной девицей? — не унимался

захмелевший Фалькон.

Генри раздул крылья носа, набирая воздух, и направил сверкнувший сталью взгляд на начальника стражи.

— Девушка пахнет мылом, а от вас, господин Фалькон, несёт перегаром. О чистоте других частей человека мы судить не вправе, Арнос рассудит.

Генри отправил в рот кусок курицы и запил вином.

Больше никто на меня не нападал. Все зазвенели приборами и предались разговорам о погоде.

— Спасибо, за чудесный ужин, сэр Генрих! — поклонился Хакон. — Надеюсь, завтра вы заглянете ко мне, и я непременно познакомлю вас со своими дочерьми. Они ну о-чень любят слушать виолу.

Наместник гулко посмеялся, а его жена бросила на меня страшный-престрашный взгляд.

— Надеюсь, он не приведёт её... — услышала я, как она шепнула на ухо мужу.

Гости разошлись, и мы остались с Генри посреди зала. Он медленно развернулся и направил на меня потемневший взгляд.

— Я узнал тебя.

Сердце подскочило к горлу.

— Узнали?

Коленки задрожали, словно готовясь к побегу, ладошки вспотели.

— В дверях библиотеки. Ты так испугалась тогда. И сейчас дрожишь, — Генри взял меня за руку и мягко погладил пальцы. — Тебя заставили прийти сюда насильно? Если так — можешь уйти прямо сейчас. Я дам тебе твои деньги.

Паладин сдвинул брови и очень серьёзно поглядел на меня.

— Я сама пришла, — я сжала в ответ руку Генри.

Взгляд паладина потеплел.

— Значит, я плохо старался, чтобы завоевать симпатию? Ты ни разу не улыбнулась. Не расслабилась ни на минуту. Тебе не нравятся высокие массивные рыцари?

Неправда, один раз я всё же улыбнулась, пока ты не смотрел.

Сердце снова подпрыгнуло в груди. Генри стоял очень близко и глядел на меня сверху вниз, не выпуская руки. Аромат вербены так сильно дурманил разум, что ноги стали слабыми и лицо налилось краской.

Ты мне так сильно нравишься, Генри! Но вот понравится ли тебе, когда ты узнаешь, кто расколол твоё хранилище?

Нужно собраться! Улыбнуться! Ну же, не будь глупышкой с соломенной головой, Трис!

— Мне нравятся рыцари, — пробормотала я.

— Тогда, может, присядем? — Генри кивнул на диван, стоявший напротив камина. — Я налью нам ещё вина.

Гостевой дом целиком был во власти Генриха и его рыцарей. Своих людей он послал в эту ночь на задание, чтобы я не чувствовала лишнего смущения. Не знаю, как я это поняла. Просто ощутила по прикосновениям тёплых сильных пальцев, бережно ласкающих мою кисть.

Слуги убрали со стола, приглушили свет и удалились. В доме не осталось никого лишнего. Мы сидели на диване перед камином, и отсветы огня играли на наших лицах. Я чувствовала крепкое бедро Генри рядом со своим. Близость горячего, сильного мужского тела заставляла трепетать. Невидимые струны в душе натянулись. Тронь — и зазвенят.

— Ты совершенно шикарна в этом платье. Истинная леди... — Генри невесомым движением поправил локон, выпавший из причёски.

Тёплое дыхание паладина упало на шею. Волна изливающейся маны прокатилась жаром по коже. Обжигающе-приятно. Сладко. Ещё немного, и я сама потянусь к его губам...

— Да? Спасибо... — сглотнула я. — И вы совершенно другой без... доспеха...

Что я снова такое ляпнула?! Пресветлая, нельзя женщине себя вести столь развратно! Что он обо мне теперь подумает?

— Можно на ты. Зови меня Генри: ведь нам предстоит близость... — голос паладина сделался ниже. Дыхание опалило кожу. Генри почти коснулся моего уха.

— Хорошо. Генри. Я сделаю, что вы.. то есть ты... скажешь. Не знаю, получится ли у меня...

Я решительно выпрямила спину, смяв пальцами подол на коленях. Ладони вновь сделались потными и холодными.

Что же я так дрожу? Я что, мужчину никогда не видела?! И зачем я так прямо высказалась?! Теперь он точно подумает, что я порочная.

Генри прислонился к спинке дивана и достал из коробочки на столике трубку. У меня появилось больше места, но я этому почему-то не обрадовалась.

— Я сам не очень знаю, как это работает, — сказал он, сдвигая мундштук трубки в руках. — Я паладин, боевой маг, специализируюсь на войне с нечистью. Более умные маги, те, которые сидят в башнях, совершенствуют свою магию, пишут трактаты и... Арнос знает, чем они там ещё занимаются... Они советуют этот способ...

Я пригубила вино и осмелилась поднять взгляд на Генри столь живо заговорившего о магах. Он сидел в расслабленной позе и поглаживал трубку сильными пальцами, но не спешил раскуривать. Его волосы взмокли, кожа мерцала в свете огня от испарины. На виске туго билась голубая жилка.

— Я получил серьёзное ранение на днях, Трис. Мана, словно кровь из раны, вытекает из трещины в хранилище.

Высшие маги утверждают, что женское любовное наслаждение способно залечить подобного рода рану.

— Интересный способ лечения. Я читала что-то подобное...

— Ты умеешь читать?

Спалилась...

— Да. Я и про тебя читала.

— Что же ты читала про меня? — вскинул бровь.

— Это не первый твой дракон. Ты уже убивал дракона прежде.

— Верно. Ты не только красивая, но и такая умная леди,

— бархат его голоса приятно отозвался в груди.

Я всё ещё сидела прямая, как вешалка, не решаясь расслабиться. Генри поковырялся в трубке и смерил меня взглядом.

— Если беспокоишься о деньгах, то вот, — он взял трубку в зубы, вынул из кармана штанов золотые монеты и вложил мне в ладонь.

Я не считала, сколько там было монет... Я не хотела их принимать! Мне сделалось противно от того, что он дал деньги. Но я должна была взять. Завтра на что-то нужно будет жить, если жизнь, конечно, продолжится.

— Не надо... — промямлила я, глядя в сторону, куда угодно — только не на него. — Я верю, что вы заплатили бы.

— Ты. Мы же на “ты”.

— Ты, — робко скользнула взглядом по его лицу.

— Если беспокоишься о болезнях, то я здоров, не считая раскола хранилища. А если — о беременности... то, — Генри поднял бровь, разглядывая меня. — Если забеременеешь, я признаю ребёнка. Возьму тебя и его в Ревош, мой замок, чтобы дать содержание и воспитание.

Возмутительно! Я что, корова на ярмарке? Господин будет решать, где мне жить и как воспитывать моего ребёнка?

Глаза на миг округлились. Я отвела взгляд, выдержала пару ударов сердца, выдохнула и вновь поглядела на него:

— И много уже у вас, то есть у тебя, таких содержанок с детьми?

— Я не избалован потомством, — невозмутимо ответил Генри, сохраняя добродушную улыбку. — Мне никто пока не подарил наследника. Не повезло...

Я чувствовала, что за его словами скрывается большая боль, но Генри продолжал держаться веселым и добрым. Только вот брови его немного вздрогнули от сопротивления воспоминаниям.

— Сочувствую... — прошептала я.

Мне было жаль, искренне жаль, что Генрих, такой чудесный мужчина, был несчастлив в личной жизни.

— Всё хорошо, — улыбнулся паладин.

Серые глаза его озарились лучистым светом, совершенно меня покоров.

Генри убрал трубку обратно в коробку и положил руку мне за спину. Я оказалась в кольце его согревающего нежного объятия. Аромат вербены снова окутал меня.

Хотелось развернуться к нему лицом и уже, наконец, самой обнять его, но я всё ещё слишком волновалась. Возможно, в глубине души надеялась, что ничего не случится: он отпустит меня и правда обо мне так и останется тайной.

Но видит Пресветлая Дева, как я устала жить в неведении. Лучше пусть всё случится, хочу знать, кто я: зачарованная или нет?! И если да, то... то убегать не буду.

Генри коснулся носом моего виска и легонько потёрся.
— Так вкусно пахнешь...

Неуловимые прикосновения губ, словно взмахи крыльев бабочки, запорхали на шее. И я, как растаявшая глупышка в руках опытного любовника, сама подставила ему ключицу, прикрыв глаза от наслаждения.

Слишком приятно... Так приятно, что совсем не страшно... Я готова отдать жизнь за правду, за Генри. Пусть всё случится!

Горячее дыхание мужчины опалило кожу.

Мои плечи задрожали от предвкушения, и Генри сильнее сжал ладонь, успокаивая.

— Не бойся, моя прекрасная светлая леди... Посмотри на меня.

Генри застыл, дожидаясь моего взгляда. Я подняла ресницы и увидела его тёмные, горящие страстью глаза. В них было всё! Одним взглядом он забрал меня у меня самой. Тот, по кому так тосковало сердце, был сейчас рядом.

Пусть всё случится!

Я подалась вперёд и приникла к его раскрытым, блестящим горячей влагой губам.

Генри крепко обнял за талию, притянул к себе. Я позволила себе запустить пальцы ему в волосы и сжать кулачки, чтобы он никуда не делся. Генри довольно улыбнулся. Видно, ему было непросто найти расположение ко мне, холодной и неподатливой. Но теперь он радовался победе. И я радова-

лась вместе с ним.

Мы целовались жадно и долго, изучая друг друга и требуя. Он очень хорошо целовался. И я, к своему удивлению, не была робкой.

Прошла вечность, прежде чем мы оторвались друг от друга, набираясь воздуха. Генри любовался, глядя на меня, и щёки от его взгляда краснели всё сильнее и сильнее. Он потянулся к волосам и, вынув заколки, распустил причёску.

— Какая ты красивая, моя огненная леди...

Он вновь потянулся к губам. Мы поцеловались. Но в этот раз недолго. Генри поднял меня на руки и двинулся к лестнице.

Заколки Альбы остались на диване, как и деньги. Я не взяла. Не хотела за деньги.

Несмотря на раскол хранилища, Генри нёс меня по ступеням легко, совсем не ощущая веса. Я крепко держалась за его плечи и шею, с упоением исследуя крепкие бугорки горячего тела и отдаваясь предвкушению сладостной любви.

Не важно, что ждёт меня на утро, я хочу провести эту ночь с желанным мужчиной. Хочу провести ночь с Генри.

Прохлада пустой спальни и холодные простыни в спальне вмиг остудили тело и голову. Пока Генри скидывал с себя одежду, я сжалась от волнения, сведя ноги вместе.

Сейчас он разденет меня и увидит шрамы на спине.

— Не зажигай свет, пожалуйста, — прошептала я, когда паладин посветил огнём из пальца над лампой.

Дыхание перехватило от вида обнажённого мужчины, выхваченного вспышкой света.

— Как пожелаешь, Трис, — хрипло прошептал он, опускаясь на постель, которая продавилась под его весом.

Генри накрыл меня собой, прикинувшись к губам. Его рука потянулась мне за спину, ловко расшнуровывая завязки корсета.

Грудь ощутила приятную свободу, и тут я вспомнила про мазь. Мазь! Если не применить, проблем не оберёшься... Обещание признать дитя — это, конечно, приятно и успокаивает. Но что, если я зачарованная? Тогда меня убьют! Нельзя так рисковать своим ребёнком...

— Мне нужно на минуточку... — прошептала я, незаметным движением извлекая флакон из выреза платья.

Генри нетерпеливо рыкнул и откатился в сторону.

— Дверь прямо перед тобой, — сказал он.

Наличие уборной в комнате меня почему-то несильно удивило.

Пока слезала с высокой кровати, Генри дотянулся до прикроватного столика и всё же зажег лампу магией.

— Возьми, — протянул он светильник.

Взгляд скользнул по его сильному мускулистому телу, не избежав ни одной детали. Я зажмурилась, чтобы вернуть волю, и поспешила отвернуться.

Войдя в комнату, не стала запира́ть дверь. Мне казалось, это прервёт нашу связь, и придётся начинать долгий путь с

начала. Пусть видит колышющиеся тени и ждёт, предвкушает.

Справив нужду, я вымыла руки и складочки. Потянувшись к флакончику увидела на полочке серую шапку. Ту самую валеную шерстяную шапку, которую потеряла в лесу! Генри подобрал её! Но узнал ли он меня?!

С ужасом обернулась к двери и увидела в проёме Генриха.

— Тебе не кажется, что это нечестно? — пророкотал он.

Я выпрямилась, сжимая флакончик в руке и направила на Генри твёрдый взгляд. Попалась так попалась — надо отвечать! Хорошо, что паладин накинул халат... Или нет... Волоски, выглядывающие из прорези на мускулистой груди, выглядели не менее соблазнительно, чем на животе и внизу...

Генри забрал у меня флакончик и покрутил в руках.

— Мазь от зачатия, так и подумал. Нечестно, Трис.

— Сделать ребёнка в первую ночь после знакомства тоже не очень честно, Генри. У меня другая жизнь... планы...

Планы... Кого я обманываю? Мои планы — всего лишь дожить до утра! Узнать, откуда во мне эта страшная магия... Моя жизнь слишком темна для тебя, Генри!

Во взгляде паладина вспыхнул огонь. Генрих прикрыл глаза и покачал головой, борясь с собой. Я поняла его переживание по шумному выдоху.

— Твоя жизнь, — Генри слегка улыбнулся и покорно кивнул. — Твоё решение. Я не вправе настаивать. Не теперь... Я заждался, моя огненная леди. Заканчивай и выходи поскорее.

Генри вернул флакончик и закрыл за собой дверь.

Сердце ушло в пятки. Значит, он не узнал, что это я на

него напала? И то хорошо. А ребёнок... Милый Генри, я зачарованная, побывавшая в лапах колдуна, и скоро ты поймёшь это. И пожалеешь о своём щедром предложении.

Крадучись, как кошка, я вышла из ванной, держа в руке лампу. Комната была опущена во мрак. Я бросила взгляд на постель и не увидела Генри.

В груди заныло. Неужели, он решил не продолжать? Поискать другую?... Что ж... Возможно, это правильно. Но почему же так больно?

Генри... Генри... Генри, где же ты?!

Страшная печаль и тоска охватили меня, сковали сердце в плен, и я чуть в голос не закулила.

Но увидела, как шелохнулась тень у окна, и выдохнула от облегчения. Генри двинулся мне навстречу.

— Трис, как ты долго, — прошептал он, жадно обняв меня, лихорадочно принялся целовать лицо, веки, губы. Оторвал от пола и понёс на кровать.

Я схватилась за мужчину обеими руками, чуть не уронив лампу. Генри дотянулся и отставил её на столик, а я держалась за борт его халата, не отпускала, не позволяла далеко отстраниться от себя.

Я так нуждаюсь в тебе сейчас, Генри. Я хочу, чтобы ты был мой.

— Я твой, девочка... — успокоил Генри, будто прочитав мысли. — Весь твой.

— Потуши свет, — прошептала я.

Тьма заполнила комнату. Мы нашли губы друг друга и вновь принялись целоваться. Я развязала его халат и обнажила сильные плечи. Генри откинул одежду в сторону и решительно стянул с меня платье. Кажется, где-то треснули швы. Ох, настоятельница будет недовольна. Не поймёт.

Генри поцеловал мне грудь, и я выгнулась и застонала от неги.

— Ещё, милый, пожалуйста...

Я лепетала невнятные слова. Страшно распущенно вёл себя мой непослушный язык. Не только в лепете, но и в прикосновении. Но Генри от этого целовал меня только крепче, обжигая дыханием кожу и доводя до неистового трепета во всём теле.

Генри провёл рукой меж моих бёдер, и я подалась навстречу.

— Какая нетерпеливая девочка... — прошептал он. — И уже готовая.

Паладин медленно развел мои ноги.

Душа потяжелела... Сейчас поймёт, что я не дева. Решит, что блудница. Как же стыдно! Я зажмурилась и для надёжности прикрыла лицо руками.

Генри плавно погрузился. Очень плавно. Нежно наполнил меня собой.

— Беатрис... — глухо прошептал он.

А может показалось?

— Посмотри на меня, — потребовал он.

Генри застыл, положив горячую ладонь мне на живот, и ласково погладил.

Наполненность. Такая тугая и упоительная. И вовсе не постыдная, как мне казалось. Я открыла лицо и поглядела на Генри: он весь светился солнечной маной.

Это ты — мой любимый! Как давно я ждала тебя, Генри! Как же я тосковала!

Я двинулась навстречу первой. Генри опустил на меня, оперевшись на сильные руки, и приник к губам. Бёдра его вжались в меня до самой глубины. И ещё раз, и ещё.

Внутри разрастались нетерпение и голод. А с ними упоение и трепетная сладость. Мы нежно целовали друг друга и бережно ласкали, поддавшись ритму общего танца.

Генри был весь мой. А я — его. Мы неслись навстречу друг другу, растворяясь друг в друге.

У меня вырвался стон наслаждения. И ещё. И ещё...

Перед глазами воссиял свет. Окаатило волной сладостного тепла. Наслаждение разлилось в животе, закружилось и тонкими струйками потекло по телу.

Радость. Упоение. Лёгкость.

Я отчётливо увидела зияющую щель в хранилище Генри. Направив к ней всю свою любовь, весь свой свет, всю благодарность постаралась стянуть края вместе, загладить, исцелить. И у меня получалось! Получалось!

Я будто отделилась от своего тела, которое держал в сладостных объятиях Генри, и принялась целовать его рану. От

моих прикосновений щель истончалась, зарастала, и серая полоса шрама покрывалась янтарным свечением, как и всё остальное хранилище.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.